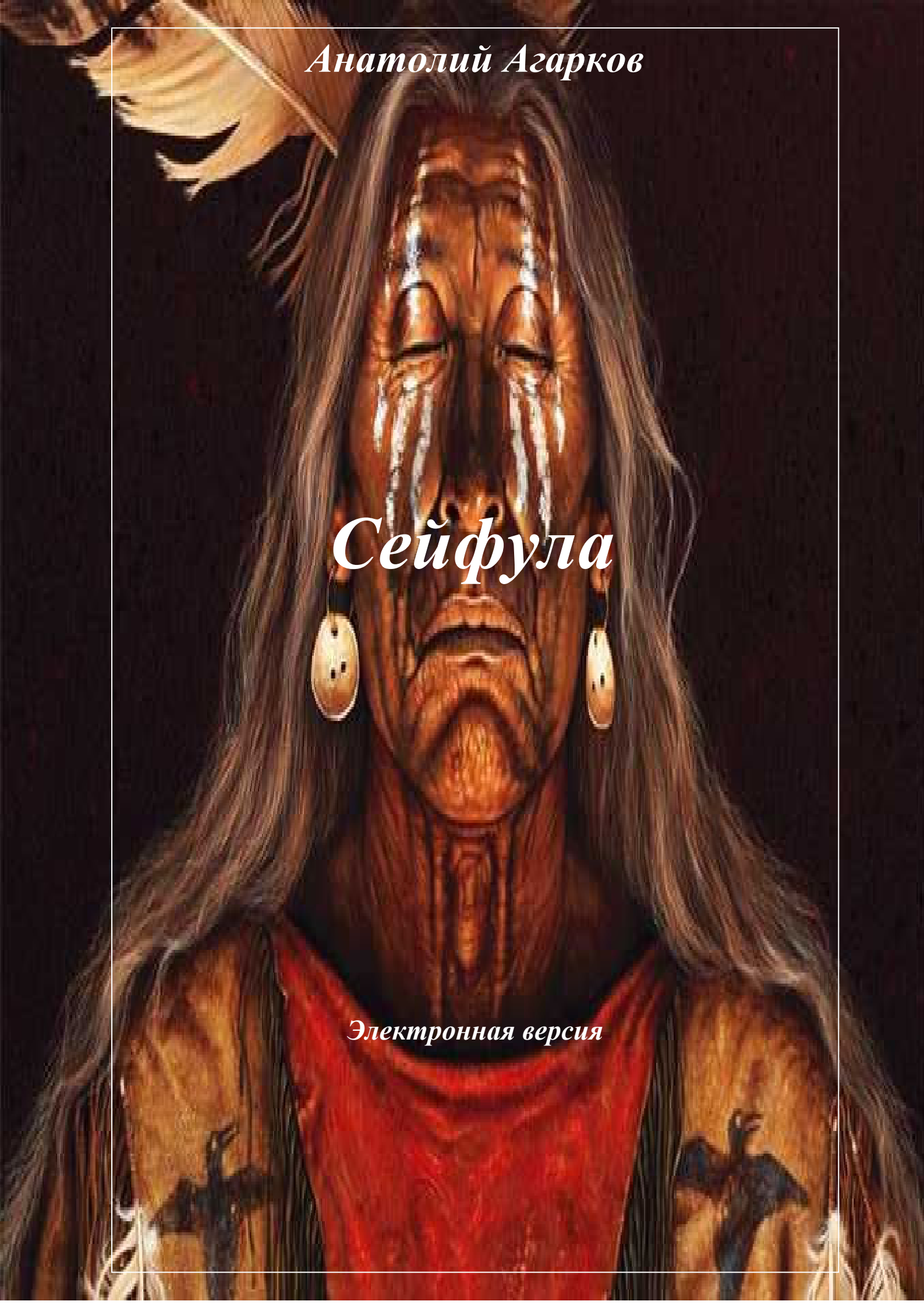

Анатолий Агарков

Сейфула

Электронная версия

Сейфула

*Любовь и смерть, добро и зло.
Что свято, что грешно,
познать нам суждено.
А выбрать лишь одно дано.
(В. Цыганова)*

1

Чем-то понравилась ему эта женщина. Сейфула не смел на нее взглянуть, но чувствовал всем существом, что в это мгновение она на него смотрит – в черных глазах ее любопытство. Ну и что, что судимый – он теперь отсидевший и, откинувшись, стал таким же свободным человеком, как все вокруг, как она...

Рай на земле не легко дается – он знает – не каждый даже может рассчитывать. Но стремиться к нему хочет любой – кто через Бога, кто через голову свою, кто через руки... а кто через сердце, насмерть влюбившись.

Сейфула Кашапов, верзила, двадцати пяти лет от роду, четыре из них отсидевший на зоне за драку с тяжкими телесными... не считал себя обиженным природой – по крайней мере, от рождения все у него было: и рост, и сила... Вот ума набирался на нарах – никаких университетов теперь не надо: как ладить жизнь он уже знает. Он не считает себя лишним в обществе – он немножечко покумекает и заставит это общество на себя работать. Нет, эти четыре года он не зря прожил, задыхаясь в цементном аду – верную дорогу по жизни выбрал, много думавши... И наставника сыскал – дай Бог каждому! Сейчас он ехал к нему на электросекции «Челябинск – Миасс».

Есть идеи, есть такие занятные идеи, что... Чувство меры Сейфуле не хватает – это верно. И нужен совет умной головушки, коим был для Кашапова Гавриил Потапов – «Гаврик», как его звали на зоне; «нормальный пацан» пятидесяти шести лет от роду. Он, когда справку об освобождении получил, сразу

подумал – сначала к Гаврику за советом, а уж потом все остальное.

И вот Челябинск, вокзал, электричка, народ и эта женщина, сидящая напротив...

Сидела она отрешённо на жёсткой изогнутой скамье, между что-то бубнящей бабкой и грустноглазым армянином в кепке; сидела, перелистывала журнал, тихо улыбалась чему-то – ни вокзальный шум её не трогал, ни запах пота, исходивший от армяшки, ни неловкость бабки, пихающей её узлами. Сколько ей – сорок? Ну, явно за тридцать. Хорошо сложена, личиком милая, простенько, но со вкусом одета – пальтишко светло-серое, с пояском, под шарфиком газовым водолазочка, белый воротничок виден; сапожки маленькие, ботильоны на «молнии». Должно быть, учительница.

Ворочаясь на жестких нарах, четыре долгих года Сейфула именно о такой мечтал. А сейчас повстречал и оробел – поглядывает искоса на нее, как за бабами в бане в щелку, а заговорить боится. Боится, что попрет из него культура зековская, которую он сначала усиленно вбирал себя, как губка грязную воду, а потом стыдиться стал, когда Гаврик ему сказал – дурак ты, шпана шпановская, да шпаной и помрешь. С нар надо в люди выходить – так он ему сказал.

Нет, не исковеркала зона в душе Сейфулы человека – только ума придала башке. Он это знает и просто робеет перед понравившейся женщиной влюбленным мальчишкой. Так бывает. Так было с ним в юности...

И вот сейчас она снова рядом, через два сидения, и снова молчит, чёрными глазами отрешённо влипла в мутноватое, пыльное стекло – то ли столбы считает, то ли галок на проводах рассматривает; и будто сама бесплотным духом скользит за вагоном, не касаясь земли... Куда она едет? Где выйдет? Куда понесёт этот чемодан – кто встречать её будет – муж, дети, мать? Сейфула уже увидел, что на руке у неё всего лишь колечко и перстенёк; но этот безымянный палец с тонкой золотой жилкой на нём ничего не говорит: знал он, что многие женщины носят кольцо ещё очень долго после того, как брак рухнул. По привычке. Это вот его блатные татуировки на руках да запястьях

не снять, как кольцо – тут не привычка, а уже крест по жизни и судьба.

Объявили по электричке остановку – какой-то разъезд с чудным, малопонятным названием. Черноглазая женщина поднялась и направилась к выходу – и стало заметно, что чемодан тяжелый, чуть клонит вправо её ладную, невысокую фигурку.

Как жаль! Сейфула посмотрел ей вслед. В жизни всегда так бывает – люди встречаются, чтобы расстаться. Он тоже поднялся и вышел в противоположный тамбур вагона. Закурил. Электричка остановилась, двери открылись...

Что наша жизнь? Игра!

Сейфула решительно выбросил окурок и вслед за ним шагнул на платформу.

Электросекция, пшикнув сомкнувшимися створами дверей, умчалась. Они только двое на платформе – он и она. От станции отходит разбитая асфальтовая лента, петляет меж частной застройкой и ныряет в лес. Интересно, далеко ли до села? Сейфула решительно зашагал к незнакомке.

- Простите, далеко ли отсюда до села?

- До дачного кооператива «Путеец» - поправила она. – А вам туда?

- Ага. Давайте я вам помогу, – Кашапов подхватил чемодан, казавшийся внушительным, но на деле не шибко тяжелый.

Попутчица все еще робела. Но в принципе, какой толк? – в лесу или на платформе, она все равно во власти этого бугая. Кричать раньше времени бесполезно – да и некому. Некого звать на помощь.

Влипли вы, Анна Михайловна, с иронией подумала о себе черноглазая женщина, действительно оказавшаяся учительницей и приехавшая на свою дачу покопаться на участке, прибраться в домике – как-никак, весна!

**Заказать
полную версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ**

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php